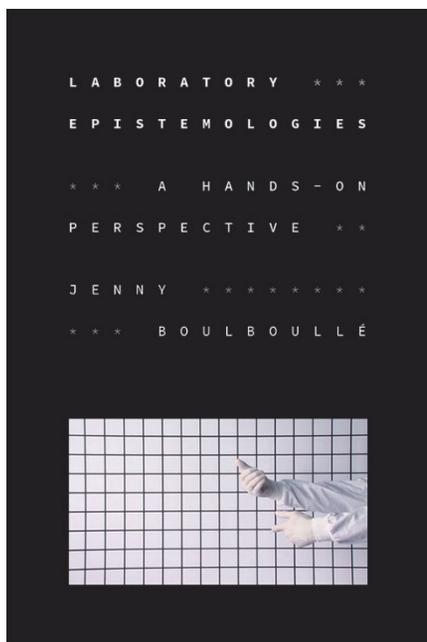

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 001.8
doi: 10.17223/2312461X/50/14

Декарт обретает тело: лабораторные эпистемологии с точки зрения антрополога

Boulboullé J. Laboratory
Epistemologies: A Hands-On
Perspective. Durham: Duke
University Press, 2024. 376 p.
ISBN 978-1-4780-2675-4

Для цитирования: Винокуров Г.Д. Декарт обретает тело: лабораторные эпистемологии с точки зрения антрополога (Рец. на: Boulboullé J. Laboratory Epistemologies: A Hands-On Perspective. Durham: Duke University Press, 2024. 376 p. ISBN 978-1-4780-2675-4) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 4. С. 311–321. doi: 10.17223/2312461X/50/14

For citation: Vinokurov, G.D. (2025) Descartes Embodied: Laboratory Epistemologies from an Anthropologist's Perspective (Review of Boulboullé J. Laboratory Epistemologies: A Hands-On Perspective. Durham: Duke University Press, 2024. 376 p. ISBN 978-1-4780-2675-4). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 311–321 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/50/14

«Я мыслю, следовательно, существую» (*cogito ergo sum*) – слова Рене Декарта, ставшие отражением европейского рационализма и научной эпистемологии, основанной на противопоставлении разума и тела.

С подобным распространенным представлением мысли Декарта и связанными с ним образами науки не согласна Дженни Бульбулле, французский антрополог и автор книги *«Лабораторные эпистемологии: практическая перспектива»*, вышедшей в 2024 г. в книжной серии *Experimental Futures: Technological Lives, Scientific Arts, Anthropological Voices* издательства университета Дьюка. Книга *«Лабораторные эпистемологии»* представляет собой попытку совмещения этнографического письма, исторического анализа и философского чтения, направленных на исследование исторических контекстов формирования представлений о научной эпистемологии и роли телесной воплощенности (*embodiment*) в производстве научного знания. Бульбулле отталкивается от тезиса, что любая эпистемологическая программа *«не может рассматриваться независимо от своей исторической ситуативности и воплощенных практик производства знания (embodied knowledge-making practices)»* (р. 144). Это применимо как к исследовательским практикам прошлого – например, к практической работе главного героя книги, Декарта, как экспериментатора и вивисекциониста, – так и к происходящему в современных нам биологических лабораториях – например, в лаборатории Лейденского университета в Нидерландах, где проводила свою полевую работу Бульбулле, изучая ручной труд микробиологов. *«A hands-on perspective»* (*«практическая перспектива»*) в названии книги одновременно отсылает и к практической стороне производства научного знания в лабораториях (в противовес нормативным представлениям о том, что такое наука и какой она должна быть), и к тем ручным действиям, что составляют основу работы ученых в лаборатории.

«Лабораторные эпистемологии» – эксперимент в антропологическом письме, совмещающий разные режимы аргументации (чей успех порой вызывает вопросы). Подражая микробиологам, совмещающим различные биологические материалы для раскрытия сложного устройства жизни и ее генетических оснований, Бульбулле отходит от формата стандартной этнографии, чтобы раскрыть роль телесных манипуляций в лабораторном производстве научного знания и роль телесной воплощенности в создании эпистемологических аргументов. Этнографические вишнетки и анекдотические истории уступают здесь место сцепке рассказов об истории науки семнадцатого века с описаниями лабораторной работы в современных науках о жизни и заимствованиями из теорий художественной практики и биоискусства. Книга состоит из пяти глав и эпилога, в которых Бульбулле начинает свое погружение в телесность лабораторной жизни и ее материальную осязаемость с пересмотра образа Декарта как чистого рационалиста, доказывая, что он активно использовал эмпирические методы исследований, которые помогли развить ему концепцию механистического тела (главы 1 и 2). Затем автор касается развития картезианской

традиции в философии и «вытеснения» материального аспекта знания последующими поколениями философов, что привело к формированию того самого образа, который подвергается критике в первых двух главах. Как показывает Бульбулле, этот образ – результат философской аргументации и того, что Эдмунд Гуссерль называл «замещением» (*unterschiebung*), а не отражение реальной практической работы Декарта (глава 3). От попытки философско-исторической аргументации Бульбулле переходит к обсуждению лабораторной работы в науках о жизни (главы 4–5) и, обращаясь к собственным полевым наблюдениям (основанным на ее опыте обучения в лаборатории) и классическим исследованиям в антропологии науки, призывает исследовать «*воплощенное тело*» в производстве научного знания. Свою аналитику Бульбулле выстраивает посредством задействования инструментов феноменологии, исследований наук и технологий (STS) и того, что сама называет *исторической эпистемологией* (*historical epistemology*) – способом историзации философских аргументов, посредством обращения к историческому контексту их производства, что в случае книги становится необходимым для подрыва традиционного взгляда на Декарта как на «*мыслителя без рук*», раз и навсегда абстрагировавшего разум от тела (кто конкретно придерживается этого взгляда – понять из текста книги сложно).

Бульбулле выводит на первый план практический экспериментальный опыт и рефлексию о нем в качестве основ современной научной эпистемологии и обнаруживает основания для этого хода в самой философии Декарта, чье наследие она предлагает радикально пересмотреть, обратившись не к сложившейся традиции восприятия текстов Декарта и разговору о картезианстве (понятие, которое Бульбулле подвергает критике как мистифицирующее и скрывающее смыслы декартовской мысли), а непосредственно к декартовским работам, совместив их с анализом развития науки в его время. Бульбулле описывает то, как в XVII в. происходил переход от аристотелевской эпистемологии к новой экспериментальной науке и связанным с ней практикам исследовательской работы и научного письма. Отвергая представления о радикальном разрыве между эпистемологией Аристотеля и новым механистическим видением мира, а также отталкиваясь от существующего традиционного образа Декарта как своего рода идеального воплощения философа-рационалиста, который доверял в своей работе исключительно разуму и абстрактному мышлению, Бульбулле показывает, что на самом деле классик французской философии был *практикующим исследователем*, глубоко вовлеченным в дискуссии своего времени о теле и работе ученого, использовавшим эмпирические и мануальные методы в своей экспериментальной работе и процессе написания своих текстов. С ее точки зрения, разговор о картезианстве как некоторой *традиции* в истории философии увел нас от понимания практической природы декартовской мысли. Проблемой остается то, с кем именно спорит здесь Бульбулле: «*По иронии судьбы, именно “картезианскому духу” мы обязаны в своем*

подходе к размышлениям Декарта о том, как и что мы способны познать, как к упражнению в чистом рассуждении с совершенно аисторической позиции. В теоретическом воображении это привело к тому, что богатая философская мысль Декарта была сведена к упрощенному лозунгу «Я мыслю, следовательно, я существую» (р. 56). С точки зрения Бульбулле, популярное воображение развития научного мышления отводит Декарту значимую роль в формировании установок современной науки, но делает это, забывая о необходимости укоренять фигуру философа в конкретном историческом контексте. Что если мы рассмотрим труды Декарта, поместив их в контекст его практической деятельности как исследователя-натуралиста, вовлеченного в создание публичной сцены естественной науки с ее зарождающейся лабораторной культурой, анатомическими театрами, любопытствующей публикой европейских городов, экспериментами в области оптики и разработкой новых методов научной работы в XVII в.?

Особое внимание Бульбулле привлекает известный декартовский *«аргумент о воске»*. В традиционных прочтениях Декарта он используется для иллюстрации тезиса о том, что познание происходит через задействование разума, а не чувств: воск, подверженный таянию и застыванию под воздействием температуры, оказывается слишком изменчивым для того, чтобы схватить его чувствами и ощущениями. Чувства – ненадежны, а истинное познание, следовательно, может осуществляться только через разум. Вместо того чтобы следовать такой узкой интерпретации, Бульбулле предлагает видеть в этой истории пример реального взаимодействия Декарта с материальностью окружающего мира (р. 45). Для того чтобы привести в своем тексте этот аргумент, Декарт должен был обладать опытом «собственноручной» работы с воском и пережить соответствующие телесные ощущения от работы с этим материалом. Аргументы, которые Декарт производил не только в текстовой форме, но посредством визуальных репрезентаций – рисунков и схем, являются результатами мельчайшей двигательной активности и кропотливой мануальной работы по размягчению материалов, как в случае с воском, или, например, по вскрытию живой плоти. В одном из сюжетов философской части книги Бульбулле предлагает читателю представить себе обычный день из жизни Декарта, в котором он на досуге препарирует бычий глаз в своей квартире: *«Где он стоит, что он держит в руке и что делает? В “Оптике” Декарт использует схематическую иллюстрацию анатомического устройства глаза. Само изображение в книге не передает никаких трудностей или какой-либо части трудоемкого процесса рассечения плоти, но в описании Декарт отсылает к ним: “Если бы можно было разрезать глаз пополам, без жидкостей, которыми он заполнен, и без каких-либо его частей, меняющих свои места, так что плоскость разреза проходила прямо через середину зрачка, она выглядела бы так, как она*

изображена на этой диаграмме”... Чтобы прийти к схематической иллюстрации и математическим измерениям, которые она делает возможными, Декарту необходимо было расширить свои анатомические эксперименты в абстрактные области, в виртуальное пространство, в котором он может сбежать от всего беспорядка, с которым он столкнулся, пытаясь разобрать глаз животного на составные части» (р. 78–79).

Совершив подобный мысленный эксперимент, мы обнаруживаем Декарта стоящим за столом для вскрытия со множеством инструментов под его рукой, включая различные виды ножей, губок для вытирания крови, пил, ножниц и щипцов. *«Мы можем себе представить, что он участвует в деликатной операции по отделению неповрежденного глазного яблока от гнезда, тщательно отрезает зрительный нерв и отделяет глаз от трупа, а затем прилагает усилия, чтобы справиться с этой скользкой сферой. С помощью каких техник ему удалось препарировать и исследовать этот идеально сферический объект, не дав ему превратиться в трудную в обращении, размокнувшую массу липкой плоти?»* (р. 80). Бульбулле на различных примерах демонстрирует телесную природу научной работы философа. Разрезание бычьих глаз подпитывало его размышления о восковых шариках, тающих от тепла в руках, и участвовало в процессе создания теоретических аргументов. *«Аргумент о воске»* нельзя считать чисто рационалистическим построением – этот ход является *«неверным прочтением всей архитектуры декартовского аргумента»* (р. 73). В своем упражнении в исторической эпистемологии Бульбулле разворачивает перед читателем картину создания новых принципов научного познания и так называемого «экспериментального поворота» в науках XVII в., требовавшего трудоемкого ручного труда. Для того, чтобы произвести абстрактный аргумент о познании и методе, необходимо было сначала, посредством задействования своего собственного тела, справиться с сопротивлением материала: не превратить бычий глаз, лежащий на анатомическом столе, в бесформенную кровавую субстанцию – непростая практическая задача, важная для развития всего исследовательского проекта по оптике. *Манипуляция* (от лат. *manus* – рука) – тактильное взаимодействие с объектами исследования – воспринималась на зарождавшейся научной сцене не просто как вспомогательное средство познания, но как центральный аспект научного метода.

Любопытная часть историзации, которую производит Бульбулле, состоит в демонстрации того, что наука, которую делал Декарт и его коллеги, разворачивалась в крайне активном публичном пространстве. Научная сцена начала семнадцатого века была устроена таким образом, что действия ученых привлекали внимание публики. Анатомические театры Амстердама, Парижа и других европейских столиц были театрами в полном смысле этого слова и местом собрания для людей, желавших быть причастными ко все возрастающей символической значимости и

престижности рационализма и науки. Именно на этих своеобразных научных «шоу» появлялись новые способы видения и телесного взаимодействия с широко понимаемой природой вещей (р. 73). В целом построения Бульбулле в этой части ее книги, работающей в режиме философского чтения, можно свести к следующему: руки Декарта действительно были испачканы в крови, и мы не должны попадать в ловушку мифологизации и забывать о том, что тот способ мысли, который он продвигал, был не только способом *мышления*, но и буквально способом *делания* реальности (doing of reality). Необходимо ли было для этого утверждения разворачивать долгий и не всегда последовательный исторический разговор – вопрос открытый.

Отходя в сторону от диссекции и препарирования декартовских аргументов, составляющих значительную часть книги, Бульбулле совершает несколько неловкое обращение к собственной этнографии производства знания в лабораторной практике для иллюстрации тезиса о том, что науки о жизни (биология и другие) требуют от своих практиков не только задействования когнитивных способностей, но и телесных навыков: от точного манипулирования микропипетками – *«эпистемическими вещами»* (р. 205), расширяющими тела для взаимодействия с невидимыми материалами и требующими дисциплинированных ручных прикосновений и телесной хореографии – до следования процедурам обеспечения лабораторной стерильности.

Лаборатория в том образе, который создает Бульбулле в этнографических ответвлениях своей книги (несколько ограниченных и основанных по большей части на ее опыте обучения мануальной работе в качестве лаборанта) – это пространство, где между «абстрактным» мышлением и телесной вовлеченностью в материальный мир нет разрыва. Как антрополог Бульбулле работала в качестве включенного наблюдателя в роли «держателя пипетки» в лаборатории, обучалась мануальным техникам управления исследовательскими инструментами и изучала методические рекомендации, визуальные материалы и инструкции, создаваемые самими учеными для тех, кто только приходит в лабораторию и должен настроить свое тело правильным образом.

Наиболее близко к взаимодействию с классическими исследованиями в антропологии науки Бульбулле подходит в четвертой главе своей книги, посвященной ревизии их наследия и тому, что она называет *«возвращением к лабораторным культурам»* (р. 143). Речь в этой главе в первую очередь идет о работах Бруно Латура и Стива Вулгара (1979) и Карин Кнорр-Цетины (1999), которые стали классическими для этнографических исследований лабораторной жизни и предложили рассматривать науку как социотехнический феномен, собираемый в повседневной практике ученых и других акторов, действующих в лаборатории и за ее пределами, снабдив нас фигурой антрополога, внимательного к

действиям ученых, производству записей и проч. Бульбулле признает вклад классиков лабораторной этнографии и важность их выхода в лаборатории, но указывает на ряд имплицитных допущений, присутствующих в их текстах. В частности, она критикует картезианский дуализм (отличный от «настоящего» Декарта, к которому, по-видимому, Бульбулле имеет доступ), определяющий подход классиков исследований лабораторий. С точки зрения Бульбулле, аргументация Латура и Вулгара строится на противопоставлении их метода работы современной эпистемологии. Однако, пишет Бульбулле, это противопоставление ошибочно: современная эпистемология возникла именно из экспериментальных и телесных практик и была исторически и культурно сформирована в лабораториях. Поэтому книга призывает «думать вместе с Декартом и за пределами картезианства», вместо того чтобы позиционировать исследования науки в радикальной оппозиции к нему и тем самым воспроизводить неверные прочтения и мифологизации философских аргументов (р. 148).

Бульбулле указывает на то, что отсюда следует ключевая проблема классических лабораторных этнографий: телесное измерение лабораторной работы систематически вычеркивается из аналитических отчетов этнографов. В *Laboratory Life* Латур и Вулгар представляют лабораторию как пространство письма и производства текстов, но тем самым устраняют из поля зрения «ручной труд» и повседневные практики телесной вовлеченности. Бульбулле пишет, что это иронично, учитывая, что сам Латур, работавший техником в лаборатории, имел непосредственный опыт телесного участия в экспериментальной практике. Именно этот опыт дал ему доступ к «внутренней жизни» лаборатории. Однако в своем аналитическом изложении он превращает себя в «чужака» и дистанцированного наблюдателя, скрывая собственное телесное участие, создав в тексте фигуру чужака-антрополога, пришедшего в лабораторию. Таким образом, действия, которые он реально совершал руками, не становятся предметом его рефлексии. По мнению Бульбулле, именно эта «операция отчуждения» – создание фигуры наивного внешнего наблюдателя – исторически повторяет риторику ранней современной науки: так же Декарт, Гук и другие «отцы» использовали дистанцию и отчуждение как средство аргументации для сохранения чистой концепции науки перед лицом собственных беспорядочных практических исследований. Но эта риторическая фигура устраняет из поля зрения телесный труд, благодаря которому лаборатория существует. В результате «лабораторная жизнь» в *Laboratory Life* оказывается в плену «развоплощенных концепций» (*disembodied conceptions*) науки как литературного производства (р. 155).

Тот факт, что за фигурой чужака-антрополога в тексте стоит сам Латур, не скрывавший собственной телесной неуклюжести и забывчивости в обращении с пипетками, как напоминает об этом Джон Ло (Law 2004: 30), Бульбулле не учитывает.

Критике подвергается и работа Карин Кнорр-Цетины. В *Epistemic Cultures* она вводит понятия «сенсорное тело», «действующее тело» и «испытывающее тело» (р. 176). По мнению Бульбулле, представления Кнорр-Цетины о теле остаются «захваченными картезианскими понятиями», несмотря на декларируемую критику дуализма разума и тела (р. 175). Наиболее характерно это проявляется в отношениях между «сенсорным» и «действующим» телами. С одной стороны, действующее тело отсылает к телам исследователей, работающих в лаборатории, следуя экспериментальным протоколам (смешивания, измерения, пипетирования, встряхивания и др.). С другой – Кнорр-Цетина пишет о том, что действующие тела «работают без сознательной рефлексии или кодифицированных инструкций» (р. 178). По мнению Бульбулле, это сужает определение до работы с телом, которая выполняется без явного внимания к собственным движениям и не прописана в протоколах или ручных инструкциях, а скорее «предполагается в качестве известной и рутинной для опытного экспериментатора (например, умение правильно обращаться с пипеткой)» (р. 178). Критике подвергается и якобы использование картезианской риторики в *Epistemic Cultures*, которая проявляется в метафорах «мыслящих машин» и общая симпатия Кнорр-Цетины к внутренним когнитивным процессам, вшитая в ее аргументацию. Вместо этого Бульбулле предлагает иной путь. По ее мнению, лаборатория должна рассматриваться не только как интеллектуальное пространство, но и как «воплощенное пространство» (*embodied space*) – место, где знание производится через телесный труд, мануальные операции, взаимодействие с инструментами и материалами, а также через постоянное обучение и тренировку специфических телесных навыков. *Быть-в-лаборатории* всегда означает быть включенным в процесс обучения тела и выполнения необходимых упражнений для его тренировки: формирования практических умений, необходимых для проведения экспериментов. Поэтому исследование научных пространств следует вести «с точки зрения рук»/«практической перспективы» – той самой «hands-on perspective» – как воплощенных пространств, а науки о жизни осмыслять в качестве «ручных практик». Бульбулле пытается одновременно не отказываться от наследия классики лабораторных исследований в работах Латура и Кнорр-Цетины, но при этом критикует их работы, показывая, что их «антидекартовская» риторика остается связанной с картезианским дуализмом и потому не способна адекватно описать роль тела и ручного труда в лабораторных культурах.

В этот момент (если не раньше) у внимательного читателя книги неизбежно возникает вопрос о справедливости подобной критики. И этот вопрос является основанием для того, чтобы указать на слабые места того нарратива, что выстраивает Бульбулле. Несомненно, книга по

праву может быть названа новаторской и смелой, но в ней есть свои проблемы и внутренние напряжения. Наиболее заметное из них состоит в асимметрии аналитического внимания автора. Если Бульбулле пытается историзировать Декарта и показывать сложность контекстов формирования его позиций как философа и практика экспериментальных исследований (убедительность этой части книги оставим на суд философам), то она не сохраняет этого же внимания к тем авторам из области антропологии науки и STS, с которыми взаимодействует в своей аналитике. Так, Бруно Латур, Карин Кнорр-Цетина, Тревор Пинч, Аннмари Мол и другие оказываются по одну сторону баррикад (что справедливо лишь в общих чертах, если мы группируем всех авторов во множество «исследователи наук и технологий»), а различия между ними упускаются и не являются предметом обсуждения (что выглядит, мягко говоря, странно в книге, призывающей к радикальной историзации теоретических позиций и превращает эту историзацию в важный эпистемологический ход). Получается, что аргумент о сложности работает только в одну сторону, а сами исследования наук и технологий предстают в таком случае упрощенным полем, в котором исследователи воспроизводят один-единственный аргумент и (или) смотрят на вещи одним и тем же образом, оставаясь в плену одних и тех же «пороков» – критикуемого в книге имплицитного «картезианского дуализма», например. Подобное неравенство во внимании подрывает силу выстраиваемого повествования в книге и оставляет странное впечатление: если мы отказываемся от воспроизводства упрощенных способов прочтения классических философских текстов, то не должны ли мы внимательно следить и за тем, чтобы не совершить эту же ошибку при чтении работ антропологов и других социальных исследователей? Не должны ли мы уделить внимание и их аргументам, приняв их как теоретиков и философов *всерьез*?

Здесь же возникает и другая проблема, связанная с этим невниманием. Говоря о теле в антропологии науки Бульбулле избирает для серьезного диалога только трех авторов в версии только двух их книг – Латура, Вулгара и Кнорр-Цетину. Но что делать с тем фактом, что и сами классики STS и их более поздние коллеги писали о теле по-разному на основе исследований в различных этнографических контекстах – не ясно. Также Бульбулле в своем междисциплинарном эксперименте решает не взаимодействовать с более широким полем исследований тела и декартовского дуализма в антропологии, забывая о том, что антропологи никогда не были картезианцами (модерновыми и др.) и потому могут быть (и были, в мысли Латура) «союзниками» в борьбе за перепрочтение Декарта и переосмысление современных дуализмов. В антропологическом архиве существует множество разнообразных попыток письма о теле и его отношениях с разумом, укорененных в самых разных этнографических контекстах, где отношения между телом и разумом оказываются

устроены отличным от картезианского разделения образом и проблематизируют его – например, см. обсуждение проблематичности «декартовского» различения разума и тела в классической статье Майкла Ламбека (Lambek 1998).

Тем не менее подобная асимметрия, вольность в работе с историей философии и нехватка этнографической глубины не лишают полностью значимости книгу, ставшую одним из редких сегодня высказываний в поле лабораторных исследований, которые некоторые авторы в области STS уже успели похоронить и заявить об их «слишком успешной» работе, приведшей к завершению этого исследовательского направления и закрытию возможности для новых исследований, например (Doing 2008). «*Лабораторные эпистемологии*» – попытка объединить философию, историю и этнографию в единое высказывание о том, как какую роль тело играет в производстве научного знания. Какой «гибрид» из этого вышел? – каждый читатель рассудит с позиции своей дисциплины. Тем не менее, следуя образам, предложенным в самой книге, можно сказать, что сегодня нам необходимо тончайшими инструментами диссектировать не только нормативные утверждения о науке и научные практики лабораторий, но и саму область антропологии науки, проведя внимательную ревизию этого направления. В этом смысле книга Бульбулле, с ее проблемами и манипуляциями – не только один из возможных объектов критического анализа, но и шаг в научении непростому искусству ручного обращения с аналитическими аргументами так, чтобы они не превратились в «размокшую массу» плоти в наших руках. Там, где не получилось у Бульбулле, – можно учиться нам.

Григорий Дмитриевич Винокуров

References

- Doing P. (2008) Give Me a Laboratory and I Will Raise a Discipline: The Past, Present, and Future Politics of Laboratory Studies in STS. In: *The Handbook of Science and Technology Studies*, 3rd ed., edited by Edward J. Hackett, Olga Amsterdamska, Michael Lynch, and Judy Wajcman, pp. 279–318. Cambridge, MA: MIT Press.
- Knorr Cetina K. (1999) *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lambek M. (1998) Body and Mind in Mind, Body and Mind in Body: Some Anthropological Interventions in a Long Conversation. In: *Bodies and Persons: Comparative Perspectives from Africa and Melanesia*, eds. Michael Lambek and Andrew Strathern. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 103–24.
- Latour B., Woolgar S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage.
- Law J. (2004). *After Method: Mess in Social Science Research* (1st ed.). London: Routledge.

Сведения об авторе:

ВИНОКУРОВ Григорий Дмитриевич – исследователь, Центр исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб); магистрант, факультет антропологии, Европейский Университет в Санкт-Петербурге; магистрант, департамент истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). ORCID: 0000-0003-3995-3178. E-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gdvinokurov@edu.hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Grigory D. Vinokurov, Researcher, Center for Science and Technology Studies (STS Center), European University at St. Petersburg; Master's student, Department of Anthropology, European University at St. Petersburg; Master's student, Department of History, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3995-3178. E-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gdvinokurov@edu.hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 сентября 2025 г.;
принята к публикации 6 ноября 2025 г.*

*The article was submitted 07.09.2025;
accepted for publication 06.11.2025.*